

В тот день с утра раннего первый турист припожаловал: трое мужиков да с ними две бабёночки. Местный лесник Егор Полушкин этих мужиков по мастям сразу распределил: сивый, лысый да плешивый. И бабёнок соответственно: рыжая и пегая.

Бабёнки возле мешков своих щебетали, а Колька, сын Егора, рядом вертелся.

В школе занятия закончились, так он иногда сюда заглядывал, отцу помогал.

Егор с сыном на пристань выскочили, быстренько мешки погрузили. Потом туристы расселись, Колька — он на носу устроился — от пристани оттолкнулся, Егор завёл «Ветерок», и лодка ходко побежала к дальнему лесистому берегу.

Туристы калякали о том, что водохранилище новое и рыбы тут особой быть не может. До Егора иногда долетали их слова, но значения им он не придавал, всецело поглощённый ответственным заданием. Да и какое было ему дело до чужих людей, сбежавших в тишину и покой на считанные денёчки! Он своё дело знал: доставить, куда прикажут, помочь устроиться и отчалить, только когда отпустят.

К обрывчику! — распорядился сивый. — Произведём небольшую разведочку.

Егор с сыном помогли туристам перетащить пожитки на облюбованное под лагерь место.

Это была весёлая полянка, прикрытая разросшимся ельничком. Здесь туристы быстро поставили просторную ярко-жёлтую палатку на алюминиевых опорах, с пологом и навесом, поручили Егору приготовить место для костра, а Кольке позволили надуть резиновые матрасы. Егор, получив от плешивого топорик, ушёл в лесок нарубить сушняка.

Прекрасное место! — щебетала пегая. — Божественный воздух!

Когда Колька осилил последний матрас, заткнул дырочку пробкой и маленько отдышался, тятка его из ельника выломился. Ель сухую на дрова приволок и сказал:

Местечко-то мы не очень-то ласковое выбрали, граждане милые. Муравейник тут за ельничком: беспокоить мураши-то будут. Надо бы перебраться куда.

А большой муравейник-то? — спросил сивый.

А с погреб, — сказал Егор. — Крепкое семейство, хозяйственное.

Как интересно! — сказала рыжая. — Покажите, пожалуйста, где он.

Это можно, — сказал Егор.

Все пошли муравейник смотреть, и Колька тоже: на ходу отдышаться куда как легче. Только за первые ёлочки заглянули: гора. Что там погреб — с добрую баньку. Метра два с гаком.

Небоскрёб! — сказал плешивый. — Чудо природы.

Муравьёв кругом бегало — не счесть. Крупные муравьи: черноголовки. Такой тяпнет — сразу подскочишь, и Колька (босиком ведь) на всякий случай подальше держался.

Вот какое беспокойство вам будет, — сказал Егор. — А там подальше чуть — ещё поляночка имеется, я наглядел. Давайте пособлю с пожитками-то: и вам покойно, и им привычно.

Для ревматизма они полезные, муравьи-то, — задумчиво сказал плешивый. — Вот если у кого ревматизм...

Ой! — взвилась пегая. — Кусаются, проклятые!..

Дух чуют, — сказал Егор. — Они мужики самостоятельные.

Да, — вздохнул лысый. — Неприятное соседство. Обидно.

Чепуха! — Сивый махнул рукой. — Покорим! Тебя как звать-то, Егором? Одолжи-ка нам бензинчику, Егор. Банка есть?

Не сообразил Егор, зачем бензинчик-то понадобился, но принёс: банка нашлась.

Принёс, подал сивому:

Вот.

Молоток мужик, — сказал сивый. — Учтём твою сообразительность. А ну-ка отойдите подальше.

И плеснул всю банку на муравейник. Плеснул, чиркнул спичкой — ракетой взвилось пламя. Завыло, загудело, вмиг обняв весь огромный муравьиный дом.

Заметались черногол овики, скрючиваясь от невыносимого жара, затрещала сухая хвоя, и даже старая ель, десятки лет прикрывавшая лапами муравьиное государство, качнулась и затрепетала от взмывшего в поднебесье раскалённого воздуха.

А Егор с Колькой молча стояли рядом. Загораживаясь от жара руками, глядели, как корчились, сгорая, муравьи, как упорно не разбегались они, а, наоборот, презирая смерть, упрямо лезли и лезли в самое пекло в тщетной надежде спасти хоть одну личинку. Смотрели, как тает на глазах гигантское сооружение, терпеливый труд миллионов крохотных существ, как завивается от жара хвоя на старой ели и как со всех сторон бегут к костру тысячи муравьёв, отважно бросаясь в него.

Фейерверк! — восхитилась пегая. — Салют победы!

Вот и все дела, — усмехнулся сивый. — Человек — царь природы. Верно, малец?

Царь?.. — растерянно переспросил Колька.

Царь, малец. Покоритель и завоеватель.

Муравейник догорал, оседая серым, мёртвым пеплом. Лысый пошевелил его палкой, огонь вспыхнул ещё раз, и всё было кончено. Не успевшее погибнуть население растерянно металось вокруг пожара.

Отвоевали место под солнцем, — пояснил лысый. — Теперь никто нам не помешает, никто нас не побеспокоит.

И все пошли к лагерю.

Сзади плёлся потерянный Егор, неся пустую банку, в которой с такой готовностью сам же принёс бензин. Колька заглядывал ему в глаза, а он избегал этого взгляда, отворачивался, и Колька спросил шёпотом:

Как же так, тятка? Ведь живые же они...

Да вот, — вздохнул Егор. — Стало быть, так, сынок, раз оно не этак...

На душе у него было смутно, и он хотел бы тотчас же уехать, но ехать пока не велели. Молча готовил место для костра, вырезал рогульки, а когда закончил, бабёнки клеёнку расстелили и расставили закуски.

Идите, — позвали. — Перекусим на скорую руку.

Колька получил булку с колбасой, а в глазах мураши бегали. Суетливые, растерянные, отважные. Бегали, корчились, падали, и брюшки у них лопались от страшного жара.

И Егор этих мурашей видел. Даже глаза тёр, чтоб забылись они, чтоб из памяти выскочили, а они — копошились. И муторно было на душе у него, и делать ничего не хотелось, и к застолью этому садиться тоже не хотелось.

— Тут у нас природа кругом. Да. Это у нас тут — пожалуйста, отдыхайте. Тишина, опять же спокойно. А человеку что надобно? Спокой ему надобен. Всякая животина, всякая муравьятина, всякая ёлка-берёзонька — все по покою своему тоскуют. Вот и мураши, обратно же, они, это... Тоже.

(По Б. Л. Васильеву*)

Борис Львович Васильев (1924-2013) — русский советский писатель, сценарист, лауреат Государственной премии СССР и Премии Президента Российской Федерации.

